

Воронин Владимир Сергеевич

ЭТИЧЕСКИЕ МИРЫ И ЭТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

На примере произведений русской литературы раскрываются этические модели художественного мира. Даётся простейшая их формализация. Предложено некоторое расширение этического уравнения человека Лефевра-Шрейдера, учитывающее неопределённость мира и человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 22-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

abzuwarten.

Тогда мне не *придется ждать* на лестнице / *Dann brauche* ich nicht draussen zu warten.

... мысленно *продолжая спор*, обращался он к секретарю / *Dawydow setzte die Diskussion* mit dem Sekretar in Gedanken fort.

... *продолжал* он, не обращая на меня внимания ... / ... *fuhr er fort*, ohne mich zu beobachten.

Они уже *тешили* себя мыслью ... / *Sie hatten schon in Gedanken* damit gespielt.

... она растила только детей брата и *вела* только хозяйство брата / ... die Tante Amalie ... bloss die Kinder des Bruders erzogen und die Wirtschaft des Bruders in Ordnung gehalten hatte.

... только Нагульнов, сидя на сундуке, *хранил* внешнее спокойствие ... / *Nagulnow*, der noch immer auf der Truhe sass, bewahrte ausserlich Ruhe.

А жизнь *продолжалась* ... / *Dann ging das Leben* weiter ...

... *продолжал* свою речь Самохин / ... *setzte* Samochin seine Rede fort.

Аналитические структуры занимают в обоих языках “второе место” в плане выражения необозначенной длительности. В немецком языке, как и в русском, представлены глагольно-инфинитивные АС (*продолжал говорить* в примере 4, *продолжал пить* в примере 5, *продолжал читать* в примере 6, *продолжал пить* в примере 7, *остался сидеть* / *war sitzengeblieben* в примере 8, *советовал подумать, повременить* / *riet zu bedenken, abzuwarten* в примере 9, *придется ждать* / *brauche zu warten* в примере 10) и глагольно-именные АС (*продолжая спор* / *setzte die Diskussion fort* в примере 11, *тешили мыслью* / *hatten in Gedanken gespielt* в примере 13, *вела хозяйство* / *in Ordnung gehalten hatte* в примере 14, *хранил спокойствие* / *bewahrte Ruhe* в примере 15, *жизнь продолжалась* / *ging das Leben weiter* в примере 16, *продолжал речь* / *setzte Rede fort* в примере 17). В немецком языке для обозначения необозначенно-длительного СД используются приставки *weiter-*, *fort-*, которые в русском языке представлены, как правило, АС (примеры 4-6, 12, 13).

Дальнюю периферию средств выражения необозначенной длительности занимают в русском языке лексические неглагольные средства. Среди них наиболее распространенными являются наречия и наречные сочетания с необозначенно-длительной семантикой. Наречия в обоих языках могут семантически сочетаться с простым и аналитическим предикатом в любом временном периоде.

... мы тогда *еще* подумаем ... / ... *werden wir uns noch* uberlegen ...

... со лба и скуластых щек *медленно* сходила голубоватая бледность / ... von der Stirn und den vorstehenden Backenknochen wich *langsam* die blaulichweisse Farbe.

Лишь бы *непрерывно* происходили какие-нибудь события / *Hauptsache*, dass nur *immerfort* etwas passiert.

Большвик *непрерывно* проигрывал / *Bollwies* verlor *dauernd*.

... человек, который *всё еще* носит оружие, *всё еще* имеет власть над жизнью и смертью / *Noch immer* ein Mann mit der Waffe, *noch immer* ein Herr uber Leben und Tod.

Еще одним из средств выражения необозначенной длительности в обоих языках является редуцированная форма глагольного предиката:

А Мария *плакала* и *плакала* / *Maria weinte* und *weinte*.

Er lobte und *lobte* das Madchen / Он *без умолку продолжал расхваливать* эту девушку.

Но Готтфрид *говорил* и *говорил* / *Aber Gottfried redete weiter*.

Таким образом, для выражения необозначенной длительности русский язык обладает ядерными средствами - префиксом *раз-* (*рас-*) в сочетании с суффиксом *-ива-* (*-ыва-*). Префиксы в немецком языке (*weiter-*, *fort-*, *herum-*, *umher-*) занимают периферийное положение в поле средств выражения необозначенно-длительного СД. Ближнюю периферию в обоих языках занимают глагольно-инфинитивные и глагольно-именные аналитические структуры, среди последних различают субъектные, объектные и обстоятельственные АС. В русском языке наиболее частотными являются глагольно-инфинитивные АС с фазовым глаголом *продолжать(ся)*, в немецком языке - их эквивалент префикс *weiter-*. К дальнепериферийным средствам относятся адвербиальные сочетания с необозначенно-длительной, т.е. неконклюзивной, акциональной семантикой, которые употребляются как с аффиксальными или аналитическими структурами, выполняя при этом вспомогательную функцию, так и с неопределенными глаголами, являясь единственными маркерами необозначенно-длительного СД. И в русском, и в немецком языках маркером необозначенно-длительного СД является редуцированное глагольное предиката.

ЭТИЧЕСКИЕ МИРЫ И ЭТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Воронин В. С.

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Прохвятиловой О. А. и к.ф.н., доц. Млечко А. В.

На примере произведений русской литературы раскрываются этические модели художественного мира. Дается простейшая их формализация. Предложено некоторое расширение этического уравнения человека Лефевра-Шрейдера, учитывающее неопределенность мира и человека.

Этические миры художественного (а в принципе и религиозного, и политического) текста можно классифицировать, отвечая на вопросы:

а) какова изображённая в них реальность в целом (хорошая, плохая, неопределённая, или, обозначая числами: 1, 0, 1/2); б) каковы персонажи изображённой реальности (положительные, отрицательные, неопределённые - 1, 0, 1/2); в) каковы изменения окружающего мира (изменяется в лучшую сторону, в худшую, остаётся неизменным 1, 0, 1/2).

Ответы на данные вопросы характеризуют этический мир данного текста. Общее возможное количество типов миров – 27. Отметим крайние возможности, явленные в идеологии и религии. Ад – это система (0,0, 1/2), рай - (1, 1, 1/2), коммунизм – (1, 1, 1). Впрочем, в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» допускается изменение ада в лучшую сторону. Разумеется, и реальность, и художественный мир, её отражающий – вещи подвижные, текущие, видоизменяющиеся. Поэтому у каждого персонажа может быть своё изменяющееся сопутствующее бытие, и сам он тоже может меняться. Как говорит религиозный мыслитель III века Ориген: «<...> от нас и от наших движений зависит быть святыми или блаженными или же, наоборот, вследствие лености и нерадения, из состояния блаженства низвергнуться в злобу и погибель настолько, что крайнее развитие зла – если кто уже настолько вознерадел о себе, – доходить до того состояния, в котором существо делается так называемой противною силою» [Ориген 1993: 76]. По Оригену, человек вне активности и движения представляет собой некоторую нейтральную основу, могущую измениться в ту или другую сторону. Изначально человек не задан как порочное или святое существо.

Первое, что обращает на себя внимание в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина – это раздвоенность человеческих желаний. «Я хотел при новом издании многое переменить в сих «Письмах», и... не переменял почти ничего» [Карамзин 1964: 79], – скажет в самом начале автор, и этим как бы задаст тон и систему отсчёта в дальнейшем повествовании. Не только «Письма» хороши в той степени, в какой сохраняют живость и непосредственность впечатления, но и события, происходящие с рассказчиком, благодетны именно своей бесцельной случайностью. Путешественник решает «ехать водою», и дело, казалось, было с концом; однако ж вышло не так» (83). Цели можно и не ставить, всё равно выйдет по-другому. Да и перед тем как поехать, путешественник мечтает быть одновременно и там, и здесь. И пограничное пространство между ними преобразуется. Вид Митавы некрасив, но для рассказчика привлекателен, ведь это «первый иностранный город» (89). Трудно «найти город хуже Кронштата» (600), но он мил герою, ведь это первый русский город по возвращении из-за границы. И в начале, и в конце путешествия дана картина плохого мира, большей частью положительных персонажей и реальности, изменяющейся к лучшему. Этическая модель (0, 1, 1) в «Письмах русского путешественника» оказывается преобладающей.

То же относится и ко времени. Минута прощания такова, что «тысячи приятных минут в будущем едва ли... за неё заплатят». Будущее не преодолевает горестей настоящего даже в тысячной доле. Оно закрыто для относительного счастья, способного уравновесить прошлую печаль. Зато горе, которое оно может принести, абсолютно. По словам героя, отправляющегося в путь, самый благополучный человек, увидев будущее, «онемел бы в самую ту минуту, в которую он думал назвать себя счастливейшим из смертных!» (82). Так каменеют в объятиях друг друга пламенеющие страстью монах и монахиня. «Гнев небесный» наказал их за любовь, и в этой судьбе христианского Пигмалиона и Галатеи, с точностью до наоборот соответствующей греческому мифу, – вся противоположность христианского и античного мироощущения. Таким образом, мир в самом начале «Писем русского путешественника» оказывается ориентированным на прошлое, в котором заключена истина, настоящее перемененно, здесь можно вывалиться в грязь и насладиться гостеприимством незнакомых прежде людей. Будущее же ложно и отрицательно, в связи с этим мир изменяется только в худшую сторону. Зато люди в большинстве своём положительны. В самом начале «Писем» перед нами модель – (1/2, 1, 0).

Итак, будущее закрыто для относительного счастья, но открыто для абсолютного горя. В «Письмах» многократно возникает мотив преходящести и бренности человеческого бытия: «Здесь гулял Фридрих со своими Вольтерами и Даланбертами. «Где ты теперь, – думал я. – Сажень земли вместила прах твой <...>». Прошлое замка Сан-Суси прекрасно, теперь же «любезные места <...> осиротели и пусты» (131).

На будущее надо закрыть глаза, ибо лишь неведение грядущего позволяет человеку воскликнуть вместе с Фаустом: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!». Более того, и в ужасном положении неведение благоственно. Так зависает между небом и землёю, между жизни и смерти охотник за горными козами, и чудом, исходящим опять-таки от него, спасается. Напротив, супруги Бубенберги, «видя, что все усилия их остаются тщетными и что гибель неизбежна, поручили судьбу свою богу», и это поручение бесполезно. Не долетает до Бога и их молитва, ибо она бездейственна. «Все потонули, – замечает рассказчик, – кроме одного гребца» (255). Именно гребец, который по роду своих занятий должен грести и плыть, спасается. История юных Бубенбергов, прогваливавшихся после свадьбы по Тунскому озеру, рассказана в немногих предложениях, показывающих скоротечный переход личного мира (1, 1, 1) к (0, 1/2, 0). Прелестная зарисовка дневной природы и прекрасных людей внезапно изменяется: «Солнце село – и вдруг, как будто бы из глубины ада, заревела буря; озеро страшно взволновалось, и кормчий содрогнулся» (255).

Не зная будущего можно *думать* «назвать себя счастливейшим из смертных», но можно ли так чувствовать? О, да хотелось бы согласиться, исходя из самых общих соображений и из того, что глубокое всеобъемлющее чувство – центральный объект изображения и исследования в сентиментализме. Но, увы! Вчитываясь в «Письма», мы находим не совсем то, что искали. Метафизика чувства оказывается сложнее движе-

ния мыслей. Пересказывая свой разговор с Кантом, путешественник записывает следующее суждение философа: «Дай человеку всё, чего желает, но он в ту же минуту почувствует, что это всё не есть всё. Получив всё желаемое можно ещё осмыслить себя «счастливейшим из смертных», но почувствовать этого нельзя. Чувство нарушает один из законов логики: закон тождества (А есть А). И в одну и ту же минуту оказывается, что всё не есть всё. Стихией чувства оказывается абсурд. За осуществлением желаемого может идти гибель и пустота, полное отсутствие желаний. В «Бедной Лизе» Эраст «желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог». И ещё раз предваряя печальные итоги взаимной любви героя и героини, автор как бы снова возвращается к кантовской максиме: исполнение всех желаний - есть самое опасное искушение любви» (616).

В этом смысле долгое счастье супругов Любославских из повести «Наталья, боярская дочь» вызвано и удалённостью их чувства от исполнения всех желаний. Близость с любимым оборачивается для Натальи разлукой с отцом, а её мужу увоз боярской дочери усугубляет мнимую вину Любославских перед царём.

«Моя исповедь» - ещё одно письмо другого русского путешественника, пародирующее как основные принципы исповедального жанра, так и самого автора «Писем». Герой повести укладывает в единственное письмо всю свою жизнь и спешит сказать, что его признания «не имеют никакой нравственной цели». Они пущены в свет «так» - слово, ставшее девизом сочинителя, задумавшего «говорить о себе» Исповедь его бесцельна, но он оправдывается тем, что так теперь делают все. В нынешнем веке «нет стыда», и «всего легче быть автором исповеди» (729). И вот герой её - граф NN - перефразируя слова Лескова, всю свою жизнь делает гадости, получая от этого только радости. Он развратничает, женится без любви, проматывает состояние, как бы «сдаёт в наём» свою жену Эмилию богатому князю, снова соблазняет её, живёт на проданные ею бриллианты и, наконец, становится ростовщиком, завершив свою эволюцию. Жизнь предоставляет ему исполнение всех желаний, и он остаётся человеком совершенно бесчувственным, хотя с кипящей активностью делает «проказы», должные пробудить в нём хоть какое-то чувство: от укушения ноги римского папы до обращения бывшей жены в новую любовницу. В этом бесчувственном мире всё очень логично. Порочность Эмили оборачивается верностью прежнему мужу. Вторичное отрицание брака приводит героиню к страстной любви. И теперь измена NN для неё смертельна. Но на самого NN это не производит никакого впечатления, ибо для него нет наказания в «здешнем свете», пороки которого составляют благо, вполне в духе «Басни о пчёлах» Б. Мандевилля. Объективно описанный графом мир - это ухудшенная адская модель (0, 0, 0), но для самого героя мир покорно служит его планам, изменяется в его сторону (0, 0, 1).

Охарактеризуем явленный в басне И. А. Крылова «Лягушки, просящие царя» этический мир. Во-первых, лягушками правит не ум, а безумие. Сами собой все они - отрицательные персонажи. Мир вокруг них изменяется к наихудшему положению вещей и явлений, происходящих в нем: воля лягушек сменяется царством чурбана, затем царством журавля, который уничтожает лягушачий народ. Изменение к лучшему недопустимо, а худший вариант возможен. Как говорит Юпитер: «Вы взбунтовались в вашей луже, / Другой вам дан - так этот очень лих; / Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!» [Крылов 1984: 29].

Художественная реальность включает в себя и богов, но они, неразумные Зевес и Юпитер (или многоликий верховный бог), слушающие вздор лягушек, не могут вразумить жителей болота перед началом бедствий. Итак, мир плох, персонажи его плохи, изменения, если и будут, то только в худшую сторону. Это своего рода - ухудшенная модель ада (0, 0, 0). Когда персонажи дифференцируются, то мы рассматриваем положение дел с их точек зрения.

Мир басни «Ворона и Лисица» доставляет пропитание его обитателям, персонажи, населяющие его, отрицательны. Изменения в целом он не допускает, хотя с точки зрения Вороны он изменяется в худшую сторону, а с точки зрения лисицы в лучшую. Это модель - (1, 0, 1/2).

В «Троеженце» мир деспотической власти царя оказывается безусловно плохим в социальном плане, и художественно самодурство царя звучит в его приказе, грозящем казнью всем судьям. Подданные царя - люди недалекие, но способные освободиться от некоторых пороков, и потому мир в целом может изменяться к лучшему. Перед нами мир, отвечающей формуле (0, 1/2, 1).

Этическая модель мира одного персонажа может претерпевать заметные изменения по мере развертывания художественного произведения. Например, у Фамусова в начале пьесы «Горе от ума» господствует убеждение, что его мир, правильный и верный, в известном смысле образцовый. Люди из его окружения - тоже хороши, даже для Чацкого и Молчалина он находит добрые слова и характеристики, и мир, несомненно, меняется к лучшему. Так, он недавно освободился от своей жены, которая, возможно, ему изменяла, теперь он выгодно пристроит дочь. Но в финале комедии для него время как бы пошло вспять: дочь оказалась ничем не лучше жены, гости как бы сговорились, чтобы Чацкому удобнее было встретиться с Софьей, родные стены не помогли. Таким образом, вектор изменения этической модели для него - радикальный: от (1,1,1) до (0, 0, 0).

Поэтому с точки зрения смены этических моделей он испытывает наибольшую трагедию. Он клянет свою плачевную судьбу и испытывает противоречивые чувства: желание наказать всех домашних и Чацкого «ударить в набат, огласить во весь народ», подать прошение в Сенат, «министрам, государю» Грибоедов [1971: 161], и боязнь молвы, а отсюда стремление сгладить, замолчать происшествие. Чацкий говорит в финале о возможности потери рассудка, а «бедный» Фамусов воскликнет:

А ты меня решила уморить?

Моя судьба еще ли не плачевна?

Ах! Боже мой! Что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна! (163)

А поскольку в комедии «злые языки страшнее пистолета» (102), в этой своей последней речи Фамусов дважды поминает смерть, пусть и в переносном смысле.

Для Софьи в начале комедии окружающий мир не является ни плохим, ни хорошим, но с ним можно ужиться, в нем батюшка таков, как «все московские», и люди бывают разные, и есть надежда на личное счастье (1/2, 1/2, 1). В финале для неё изменяется только последняя координата, что дает (1/2, 1/2, 1/2). Поэтому она ограничивается всего лишь одной репликой о том, что никто и подумать не мог, что Молчалин так коварен.

Изменение этической модели Чацкого – тоже не очень большое. Москва для него старый, давно известный мир, не могущий ему показать ничего нового. На минуту он даже готов поверить нелепости, рассказанной о нем гостями. Когда в конце пьесы любимая девушка зовет к себе Молчалина, он задается вопросом: «Не впрямь ли я сошел с ума?» (155). Он почти заразился этим общественным мнением. Фамусовское же общество для Чацкого – это ноль по определению, но в самом начале комедии он питает иллюзии на улучшение мира, на счастье с любимой девушкой (модель (0, 0, 1)), а в конце видит, что из последней надежды ничего не вышло: мир изменился в худшую сторону, и получилось (0, 0, 0).

Формализация этики была предложена В. А. Лефевром и развита Ю. А. Шрейдером. Здесь зло обозначается как 0, добро 1, а промежуточные между ними значения «выражают то, что мы имеем дело с чем-то промежуточным между добром и злом» [Шрейдер 1994: 86]. Если решение субъекта считается с голосом совести имеет вероятность x оказаться добром, тогда вероятность противоположного события оказаться злом $1 - x$. Моральный статус человека определяется, исходя из трёх вероятностей: X_1 – вероятность того, что мир исключает зло и не провоцирует человека на дурные поступки; X_2 – вероятность того, что мир оценивается как хороший, т.е. совесть не замечает дурных сторон мира; $1 - X_2$ – вероятность того, что совесть замечает опасности мира. X_3 – вероятность того, что субъект последует указаниям совести. Используя формулу полной вероятности, можно вычислить оценку морального статуса человека.

$$X = X_1 \cdot 1 + (1 - X_1) (1 - X_2) X_3$$

X_1 умножается здесь на 1, исходя из того, что «субъект при отсутствии соблазна поступит хорошо» (постулат незлонамеренности). Ю. А. Шрейдер рассматривает предельные случаи плохого мира. Если $X_1 = 0$, а совесть, тем не менее, оценивает мир как хороший, то есть $X_2 = 1$, мы получаем, что моральный статус человека равен 0. Если же при плохом мире, совесть правильно оценивает его, то $X_2 = 0$ и $X = X_3$, т.е. моральный статус зависит только от того, последует или нет человек голосу своей совести. Подстановка $X_2 = 1$, т.е. оценка мира совестью как только хорошего, приводит к тому, что моральный статус человека зависит от того, насколько плох или хорош окружающий его мир [Шрейдер 1994: 88-89].

Однако модель Лефевра-Шрейдера при всех её достоинствах не учитывает реальной сложности мира. Постулат незлонамеренности в художественной литературе подвергнут сомнению в «Сне смешного человека» Ф. М. Достоевского, где герой в сонных своих грёзах попадает на прекрасную планету, где «вся земля <...> была повсюду одним и тем же раем» [Достоевский 1982: 513] и развращает всех превосходных людей. У этого мира лишь один изначальный недостаток. Будучи наилучшим, он не способен изменяться, его жители «не желали ничего и были спокойны» [там же]. Но по логике вещей, достигнув наилучшего положения, измениться можно лишь к худшему. И вот герой, попавший в лучший мир, как раз и оказывается той ложкой дёгтя, которая портит бочку мёда: «Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил всю эту счастливую, безгрешную до меня землю» [там же: 517].

Простейшая троичная система оценки качества мира приводит к другим результатам. Пусть теперь $X_1 = 1/2$, а совесть оценивает мир как хороший, $X_2 = 1$, тогда моральный статус человека делается равным 1/2. Если при том же неопределённом мире $X_2 = 0$, то статус человека повышается и становится равным $1/2 + 1/2 X_3$. Отметим, что человек, всегда следующий голосу совести и в этом мире достигает максимально высокого морального статуса, равного единице. Именно таков виновник грехопадения жителей прекрасной планеты. Осознав, что принёс в мир зло, он всеми силами старается вернуть обезумевший мир к прежнему состоянию. Но это не удаётся именно из-за возникновения уравнения противоположностей: «Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи» [там же].

Поскольку X_3 – вероятность, то она меньше единицы, то моральный статус человека всё равно не достигает единицы, он как бы обречён на моральное несовершенство в неопределённом мире. Пусть теперь и голос совести говорит о том, что этот мир погружён в неопределённость ($X_2 = 1/2$), т.е. человек сомневается в том, что добро обязательно влечёт добро, а зло обязательно приводит к худшему положению вещей. Ведь в этом сложном мире «не было бы счастья, да несчастье помогло». Даже и по библейской истории это так, ибо в её толковании человечество пошло от грехопадения Адама и Евы. Подстановка двух первых неопределённостей приводит к тому, что моральный статус человека уменьшается: $X = 1/2 + 1/4 X_3$

Таким образом, данная формальная модель с тремя оценками мира отвечает нашим интуитивным представлениям о благости голоса совести и выстраивания морального статуса человека в зависимости от него.

С учётом всего вышесказанного вернёмся к «Моей исповеди» Н. М. Карамзина. Перед нами однозначно плохой мир, совесть героя молчит, никак не предупреждая его о соблазнах и моральный статус главного героя, естественно, равен 0. Однако, если посмотреть на изображённый мир глазами внешнего наблюдателя и оценивать множество изображённых лиц, то мы увидим, что многие персонажи, показанные были в ужасе

от поступков графа NN, хотя некоторым и казался героем. Поэтому в целом изображённый мир ни плох, ни хорош и отвечает модели $(1/2, 1/2, 1/2)$. Посчитаем моральный статус Эмили. В её неопределённом мире $X_2 = 0$, совесть предупреждает её об опасностях окружающего мира. Она наяву видит, что происходит с её мужем, и первое время даже пытается бороться с ним. Её статус оказывается равным $\frac{1}{2} + \frac{1}{2} X_3$. Другое дело, что ей не удаётся сохранить X_3 равным единице, ближе к финалу он оказывается почти нулевым. Но, тем не менее, её статус оказывается близким к $\frac{1}{2}$, и её жалко, так как она жертва и мира, и конкретно графа NN.

Список использованной литературы

1. Грибоедов А. С. Сочинения: В 2 т. - М., 1971. - Т. 1 (цитаты по этому изданию даются в тексте с указанием страниц в скобках).
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 12 т. - М.: Изд-во «Правда», 1982. - Т. 12.
3. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. - М.: Худож. лит., 1964. - Т. 1 (цитаты по этому изданию даются в тексте с указанием страниц в скобках).
4. Крылов И. А. Сочинения: В 2 т. - М.: Изд-во «Правда», 1984. - Т. 2. - С. 29 (цитаты по этому изданию даются в тексте с указанием страниц в скобках).
5. Щрейдер Ю. А. Лекции по этике. - М.: Владос, 1994.

АНАЛИЗ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Галиева А. М.

Казанский государственный университет

Статья рекомендована к публикации к. филос. н., доц. Ибрагимовой З. З. и к.ф.н. Нагумановой Э. Ф.

В статье представлен анализ лингвофилософских концепций Нового времени - «Грамматики Пор-Рояля» и работ Кондильяка. Прослежена связь между общеполитической картиной мира XVII - XVIII вв. и теориями языка.

В эпоху модерна процессы секуляризации и демифологизации привели к высвобождению светской культуры из тисков религиозной картины мира. Под влиянием субъект-центрированного рационалистического мировосприятия Нового времени, в условиях формирования парадигмы научного знания появилась необходимость по-новому интерпретировать проблематику, связанную с языком. Видение природы и сущности языка, объяснение грамматического строя, выявление внутренней корреляции языка и мышления в XVII - XVIII вв. в Европе осуществляется в русле господствующих философско-методологических принципов рационализма и эмпиризма, в это же время язык начинает рассматриваться под углом зрения внутреннего мира человека, при интерпретации которого прослеживается тяга к механицизму. М. Фуко говорит о том, что вопреки общеизвестным представлениям о том, что Новое время характеризуется как эпоха математизации эмпирического знания и механицизма, главным инструментом анализа все же должен рассматриваться не алгебраический метод, а система знаков [Фуко 1994: 91-92].

В рационалистически ориентированных учениях о языке грамматическая категоризация возводится к операциям рассудка и определяется структурой мысли. Общие и частные явления получают рациональное обоснование исходя из представлений о согласованности языкового способа выражения мысли с её логической структурой. Языковые универсалии выводятся из единства человеческого мышления, которое в это время представляется одинаковым у всех народов, во все времена (не случайно «Грамматика Пор-Рояля» названа ее авторами «Всеобщей рациональной грамматикой»).

В учении Декарта, давшего философское обоснование научному знанию, под новым углом зрения предстает и проблематика, связанная с языком. В основных своих философских сочинениях, посвященных проблеме метода, Декарт не рассматривает язык специально, но, как отмечает Э. Кассирер, из его философии следует, что «требование *mathesis universalis* сопровождается требованием *lingua universalis*. Подобно тому, как все случаи познавательной деятельности... оказываются проявлением одной и той же основной формы познания, человеческого разума, так и в основе всякой речи должна лежать одна универсальная, обусловленная разумом форма языка вообще, скрывающаяся, конечно же, множеством и разнообразием форм слова, которые, однако, не могут сделать её совершенно непознаваемой» [Кассирер 2002: 60].

Рационалистические концепции языка развивались в разных национальных традициях, но классическим образцом такой универсальной грамматики стала «Всеобщая рациональная грамматика Пор-Рояля», изданная в 1660 г. Авторами её были Антуан Арно и Клод Лансло.

Авторы Пор-Рояля производят анализ значений слов исходя из принципов рационалистического подхода к языку. Поскольку «слова можно определить как членораздельные звуки, которые используются людьми как знаки для обозначения мысли» [Арно 1990: 90], то, по мнению французских мыслителей, определение сущности языка может производиться лишь через описание операций рассудка, при помощи которых человек воспринимает и анализирует действительность. Авторы Пор-Рояля выделяют четыре действия ума: «созерцание» (понятие), суждение, умозаключение и упорядочивание (метод). При этом в качестве основной формы мысли рассматривается суждение. Именно способность образовывать суждения составляет сущность человеческого мышления. По мнению авторов Пор-Рояля, язык является той сферой, благодаря которой «можно выделить как предмет мысли, так и форму мысли» [Арно 1990: 92].